

УДК 355/359
ББК 68
Д72

Фотография на обложке:

© Эммануил Евзерихин / РИА Новости

По материалам сайта «Я помню»

В книге использованы фрагменты интервью
Артема Драбкина, Григория Койфмана, Юрия Трифонова,
Артема Чунихина, Ильи Вершинина и Николая Чобану

Д72

Драбкин, Артем Владимирович.

Я дрался в Сталинграде. Откровения выживших /
Артем Драбкин. — Москва : Эксмо : Яуза, 2017. — 288 с. —
(Оболганные победы Сталина).

ISBN 978-5-04-089845-9

К 75-летию начала контрнаступления под Сталинградом! Дать памяти тем, кто выполнил сталинский приказ «Ни шагу назад!», выстояв под сокрушительными вражескими ударами, кто сдержал клятву «За Волгой для нас земли нет!» и совершил невозможное, сломав хребет «непобедимому вермахту», кто выжил «в окопах Сталинграда», чтобы рассказать о решающем сражении Великой Отечественной. Их живые голоса, их «окопную правду» вы услышите в этой книге...

«Человек в Сталинграде жил три дня максимум. Я не успевал даже познакомиться с новыми танковыми экипажами, как они гибли. И мы, и немцы осатанели до такой степени, что казалось, с обеих сторон воюют смертники, мечтающие побыстрее отправиться на тот свет...»

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-04-089845-9

© Драбкин А.В., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Вакаров
Константин
Александрович

*Красноармеец 284-го стрелкового
полка 95-й стрелковой дивизии*

Что мы там пережили, просто нет таких слов все это описать... По уровню жесточенности боев со Сталинградом и рядом ничего не стоит, во всяком случае из того, что я лично видел и пережил. Ведь там, например, когда просто шел, то под ногами раздавался хруст, недаром после войны на некоторых участках с одного квадратного метра собирали по десятку килограммов пуль и осколков... Когда потом вспоминал Сталинградские бои, то даже самому не верилось, что все это было с нами...

А как мы переправлялись в Сталинград... Мне казалось, что этой переправе не будет конца... Столько людей тогда потеряли, очень много, ведь немцы по нам сыпали и сыпали... Переправляться предстояло на каких-то старых раздолбанных лодках, но когда мы их только увидели, то всем нам, особенно тем, кто не умел плавать, стало не по себе... Ведь все они были сплошь дырявые, и дырки приходилось затыкать или пилоткой, или чем-то еще.

Командиры нас пытались успокоить, и приказали набить плащ-палатки соломой, но это же глупость. Во-первых, они мало у кого были, а во-вторых, это Волга, а не какая-то там речушка...

А что творилось в самом Сталинграде... Каша, настоящая каша, из руин и людей... Часто бывало, что в доме на одном этаже располагались немцы, а на другом мы. Нет, картину Сталинграда, вернее, то, что от него осталось, очень трудно, просто невозможно описать словами.

Что запомнилось? Ну, например, такая история. По-моему, еще где-то поздней осенью 1942 года немцы на парашюте нам сбросили еврея. Да-да, самого настоящего пожилого раввина. Поверьте, эту историю я вам не пересказываю с чьих-то слов, а все это лично видел собственными глазами, потому что он приземлился в наше расположение.

Прямо среди бела дня, помню, мы еще удивились, что стало непривычно тихо, вдруг появился немецкий самолет и сбросил кучу листовок и кого-то на парашюте. Все к нему побежали, оказалось, пожилой еврей. Лет пятидесяти, седые волосы, руки связаны, а при нем немецкое послание для нас: «Посылаем вам одного из ваших руководителей. Мы с нашими дошли до Сталинграда, а вы со своими еще неизвестно где окажетесь... Не зря говорят, что эти люди продали Иисуса Христа. Посмотрите, как они живут и как вы...», что-то в таком духе.

Вообще немцы в Сталинграде очень активно агитировали нас сдаваться в плен. Разными способами: и листовками, а по ночам даже по громкоговорителю нас уговаривали. И однажды произошел такой случай. В плане снабжения мы там жили очень туго:

или одна картошка на день, или пачка концентрата на двоих, а это ведь всего 200 граммов... Кстати, именно на обертке от пачки горохового концентрата мне в медсанбате выписали справку о ранении. Так вот, мало того, что жили мы, прямо сказать, туговато, так находились же еще такие сволочи, которые нас обворовывали.

Например, наш старшина водку нам стал выдавать, отмеряя норму мензуркой, предназначенной для выдачи махорки. Она тоже вроде как на 100 граммов рассчитана, но на самом деле жидкости там помещается меньше. До поры до времени мы и не знали, что он нас обманывает, ведь обычно питание выдавалось ночью, в темноте, но потом кто-то увидел, что этот старшина, ездовой и повар, что ли, играют в карты и пьют при этом водку, и, видно, не выдержал и сообщил куда следует. Но старшину кто-то, наверное, предупредил и он, не будь дурак, не стал дожидаться трибунала. Ведь на фронте суд какой? Приезжала машина. В ней за пять-шесть минут писали приговор и хорошо, если в штрафную роту, а то могут и сразу «по закону военного времени».

И уже на следующую ночь мы слышали его голос с немецкой стороны по громкоговорителю: «Ребята, то, что нам комиссары запузыривали, это все херня! Немцы меня прекрасно встретили, хорошо покормили, а завтра сделают документы и отправят на родную Украину. Так что переходите, пока не поздно. Что здесь делается, все на танках...» И таких, как он, было дай боже...

Помню, еще в самом начале боев за город, иду по какой-то улице, с правой стороны все дома горят, а слева — половина. Кругом пожары, а я подобрал

какую-то книжку, ведь я же книг в своей жизни и не видел почти, и думал при случае почитать. А у меня в то время был близкий приятель, с которым я всегда всем делился, и доводилось даже из одного котелка есть. И вдруг я вижу, что он выходит из одного дома с мешком.

— Зачем тебе эти вещи? — спрашиваю.

— Подожди, Костя, у меня мало времени.

Сбрасывает гимнастерку и начинает при мне переодеваться в гражданское.

— Вася, ты что?

— Все, надоело, поеду к себе в Астрахань. А нужен буду, так еще раз призовут. Хочешь, идем вместе, — и ушел...

Честно признаюсь, у меня руки просто чесались дать по нему очередь...

Богацкий
Михаил Моисеевич

*Командир взвода 118-го
гвардейского стрелкового полка
37-й гвардейской стрелковой
дивизии*

Когда нас перебросили под Сталинград, то первые полтора месяца мы провели в относительно «спокойном месте». Мы прошли станицу Качалинскую и заняли господствующие высоты по берегу Дона. Против нас действовали в основном румынские части, и первые бои на Сталинградской земле были для нас не самыми тяжелыми, мы не понесли очень серьезных потерь. Но в конце сентября мы передали свои позиции сменщикам и на машинах нас повезли куда-то в северном направлении, а потом колонна дивизии вдруг сделала резкий поворот вниз и нас привезли в Сталинград, мы оказались в местечке Цыганская Заря, на восточном берегу Волги, где два дня готовились к переправе через реку. Мы не представляли в какую «мясорубку» нас бросают. Слева от нас по течению реки горели нефтяные баки, и горящая нефть разлилась по Волге, сам Сталинград был весь закрыт черным дымом, город бомбили без передышки и эта страшная кар-

тина — горящая река и сплошная стена дыма над городом — уже никогда не исчезала из моей памяти. Ночью на катерах нас перевезли на западный берег, и целый день мы просидели под высоким берегом в ожидании дальнейших приказов, а в это время немцы несколько раз бомбили наше расположение. Я тогда не знал, что мы находимся в Заводском районе города, там, где расположен Сталинградский тракторный завод. Ночью 5 октября пришел ротный и передал, что нам поручено провести разведку боем в районе больницы Ильича.

Мы поднялись на берег и увидели горящее четырехэтажное здание больницы, которое стояло торцом к реке. Из-за огня пожара все окрестности больницы были освещены, как будто дело было днем. Мы медленно стали пробираться вперед, пока нас не начали обстреливать с разных сторон. Дошли до какого-то кирпичного сарая. И тут немцы ударили по нам слева и сзади. Одна из пуль, ударившись о кирпичную стену, срикошетила мне в голову, попала в лоб по касательной.

Я почувствовал сильнейший удар в голову и опустился на землю. Ладонь поднес ко лбу, и сразу вся рука покрылась кровью. Меня перевязали. Мы стали отходить под обстрелом на исходные позиции, тут возле меня разорвался снаряд и четыре осколка попало мне в ноги.

Я упал, затем попытался подняться на ноги и не смог. Стал ползти вдоль здания больницы, прямо по горящим падающим балкам перекрытий, и был в этот момент у немцев как на ладони.

Думал, что все, уже не выберусь, но меня заметил мой ординарец, и вместе с еще одним бойцом они выскочили из укрытия и дотащили меня до

ближайшей воронки, а потом перенесли чуть дальше в тыл. Я оказался на берегу Волги, два ранения в ноги были легкими, а два — тяжелыми, с переломами костей, но что самое обидное, мне полностью раздробило голень правой ноги.

Нас, раненых, положили прямо на землю на берегу Волги, на открытом месте. Раненые лежали рядами. Меня всего знобило от холода и от потери крови.

Увидел девушку-санинструктора, спросил ее: «Сестра, что же мы лежим на открытом пространстве? Сейчас немцы налетят, нам всем здесь хана настанет» — «А куда я вас всех дену?! Вечером других в блиндаж отнесла, а их накрыло прямым попаданием!» Целый день мы лежали на берегу. Нас несколько раз бомбили, по берегу била артиллерия, добывая раненых. Легкораненые, те, кто смог передвигаться, вжались в стенку обрывистого берега, а мы, тяжелораненые, лежали у кромки воды и ждали каждый своего осколка, который избавит от страданий. И в эти минуты я, убежденный атеист, впервые в жизни обратился к Богу: «Боженька, спаси и сохрани!» Только когда стемнело, к нам подошли санитары, проверяли, кто еще жив, и живых несли на носилках на подошедшие с левого берега катера Волжской флотилии, на которых переправляли раненых. На том берегу нас сразу положили в кузова «полуторок» и повезли в ближайший госпиталь, в Ленинское.

Меня взяли на операционный стол, а потом стали накладывать гипс. В этот момент случился немецкий авианалет и санитар, державший мою ногу на весу во время наложения гипса, со страху «бросил» мою ногу и залез под стол, а я от страшной

боли просто взвыл, вся операция пошла насмарку. Из Ленинского меня перевезли в село Солодовка, где находился полевой сортировочный эвакуогоспиталь, в котором концентрировали раненых из комсостава. Большинство из тяжелораненых отправляли на санлетучках в тыловые госпитали, а тех, кто считался нетранспортабельным, лечили на месте. Раненых разместили по крестьянским избам, кто лежал на носилках, кто на соломенных матрасах, в одной комнате в избе-пятистенке рядом со мной лежало еще шесть раненых офицеров. Лежим, лечимся, от вшей под гипсом такой зуд, что словами не передать.

В мае 1943 года меня перевели в куйбышевский госпиталь, откуда я выписался только в июле.

Иванов
Алексей Петрович

*Командир взвода батальона
автоматчиков 24-й гвардейской
стрелковой дивизии*

В армию меня призвали 31 августа 1942 года. Из призывников нашего района отобрали восемнадцать ребят со средним и семилетним образованием и всех нас направили в тамбовское пулеметное училище, в котором готовили младший офицерский состав.

Учились мы очень и очень напряженно, а вот питание было неважное. Я помню, что у меня, крепкого деревенского парня, от недоедания и перегрузок стала постоянно кружиться голова. Ходил и, как пьяный, шатался.

Где-то в начале ноября весь личный состав училища подняли по тревоге и направили на тактические занятия на южную окраину Тамбова. Пока дошли туда, таща на себе пулеметы, пока целый день прозанимались — вымотались просто страшно. К концу дня расположились в какой-то деревне южнее Тамбова. Купили у хозяйки ведро картошки и только собрались ее приготовить, как вдруг из

училища явился посыльный с приказом как можно быстрее вернуться в расположение. Командиры нас тут же подняли и повели, причем не по дороге, а напрямик. Но после такого напряженного дня марш дался нам очень тяжело. Многие из нас дошли из последних сил.

Вернулись в училище к четырем часам утра и получили приказ сдать личные вещи: матрац, одеяло, личное оружие. Все сдали, нас построили на плацу и продержали на нем целый день. Только вечером нас куда-то повели. Прошли мимо старого корпуса пединститута и вышли на рассказовскую дорогу. Ну, все понятно, значит, в Рассказово идем.

Только к утру туда пришли, и оказалось, что в Рассказово формировалась, по-моему, 24-я гвардейская стрелковая дивизия. Меня определили служить в батальон автоматчиков. Нас очень хорошо, прямо капитально обмундировали и где-то недели через две погрузили в эшелоны и отправили на фронт, как оказалось, под Сталинград.

Помню, что доехали к вечеру. Кругом голая степь, солнце заходит и очень сильный мороз. Неподалеку стоял какой-то домик, в котором мы немножко обогрелись и в ночь пошли маршем. Уже после войны, читая историческую литературу, я узнал, что нашу 2-ю Гвардейскую армию бросили на уничтожение окруженной группировки Паулюса.

Марш получился длинным и невероятно тяжелым. Почти по двадцать часов в сутки мы шли в полном боевом снаряжении. Каждый солдат нес на себе автомат, два запасных диска с патронами, гранату, саперную лопатку, противогаз, вещмешок, котелок, каску, да еще и лыжи. И вот с такой нагрузкой мы шли несколько суток. Спали прямо на

ходу, а когда устраивали привал, то солдаты тут же валились как снопы, и поднять их было очень тяжело. Но тут уже командиры взводов не церемонились, подходили и пинками в бок поднимали спящих солдат.

Не помню сейчас, где точно, но мне кажется, в деревне Васильевка нам дали небольшой отдых, не более суток. А потом опять вперед...

И опять невыносимый затяжной марш в направлении Котельникова. Оттепель сменялась морозами до 30 градусов, ураганные ветры, тылы отстали... В те дни нам выдавали всего по два обыкновенных сухаря. И еще ложка сахара — вот и весь рацион на целый день! А там же степи. Равнина с оврагами, бурьян, поэтому во время привалов обогреться или укрыться было просто невозможно. Для того, чтобы хоть как-то переночевать, солдаты поступали так. Разбивались на группы человека по три и рыли подковообразный ровик в подветренную сторону. Прямо на снег стелили плащ-палатку, ложились на нее, плащ-палатками накрывались и так, тесно прижавшись друг к другу, пытались отдыхать. Но на таком морозе лежать выдерживали не более часа. Потом, замерзнув, вскакивали и начинали бегать по оврагу или по балке. После такого разогрева опять ложились в ровик с той лишь разницей, что тот, кто раньше лежал с краю, теперь ложился в середину. Вот так мы спали...

И прямо с марша нашу дивизию ввели в бой. Ориентировочно это произошло где-то на подступах к Котельникову. Потом в мемуарной литературе немецкие генералы писали, что именно это сражение на малоизвестной реке Аксай под Котельниковом оказалось решающим для судьбы Германии.

А наш полк на рассвете бросили в бой прямо с марша. Но мы сразу попали под сильный минометный огонь, и осколками мины, разорвавшейся от меня в нескольких метрах, мне перебило ноги. И получается, что я выбыл из строя, практически не участвовав в боях. До конца прошел с товарищами этот тяжелейший марш и в первом же бою получил тяжелое ранение в ноги... Но кто знает, может, эта мина и спасла мне жизнь. Ведь в этом училище нас, земляков из Никифоровского района, училось восемнадцать ребят, и, как я потом выяснил, в живых нас осталось всего двое... А остальные шестнадцать погибли...

Я попал в госпиталь города Сатки, что в Челябинской области, где пролежал около четырех месяцев. После госпиталя меня решили направить на учебу в минометное училище, но я уже так «наелся» своим тамбовским пулеметным, что отказался и попросился в боевую часть.

Тугов
Петр Григорьевич

*Водитель установки ГМЧ
«Катюша» 334-го гвардейского
отдельного минометного полка*

По первости в составе 334-го гвардейского отдельного минометного полка мы оказались под Харьковом, от которого наши войска находились на расстоянии 8–10 километров. Стояли мы где-то возле большого чистого поля. Посмотришь, бывало, в бинокль — все видно. Силы наши начали иссякать, и мы вынуждены были начать отступление. Немцы постоянно нас бомбили, поэтому днем, как правило, стояли в лесах, а вечерами отступали. Шли где как: когда с боями, а когда и обходилось. Так все время продвигались. Потом нас довели до станции Ванновки, которая располагалась в 50 километрах левее Сталинграда. Начались бои. Я тогда был шофером «Катюши». Наш полк состоял из трех дивизионов. В этих боях два дивизиона потеряли много машин, а наш остался целым. Тогда нам было приказано передать оставшиеся машины тем частям, которые находятся на фронте, а самих отправили обратно в Москву. Там, в Москве, мы не-

много пожили, потом оттуда по приказу съездили за машинами в Горький, перевезли ящики снарядов. Потом нас с техникой погрузили и отправили в Ленинград, а оттуда — прямо под Сталинград. Выгрузились мы у Волги недалеко от Саратова. Там нас перегрузили на паром-пароход и повезли до самого Сталинграда. Когда мы прибыли в Сталинград, то целый день на одном месте стояли. Бомбежек пока не было, все было тихо и спокойно. А стояли мы по такой причине: около самого города было невероятное столпотворение, появилось очень много машин, ни пройти ни проехать. Наш отдельный полк относился к 3-му механизированному корпусу. Потом он получил почетное наименование «Сталинградский».

А утром, как только проснулись, первым делом проговорили из своих «катюш». Тогда под Сталинградом ночи были короткими, а дни — длинными. Так мы как только дали удар по противникам, они начали сразу сдаваться в плен. Тогда немцев там было мало, в основном это были другие национальности, которые за них воевали: чехи, венгры, молдоване, румыны. Они прямо целыми ротами сдавались. По одежде было видно: совсем другая форма, не такая, как у немцев. Мы начали постепенно двигаться вперед, прошли Каменный Яр и Капустин Яр, Комсомольск, потом еще другие какие-то небольшие города, которые были набиты гитлеровцами, а потом дошли до самого Сталинграда. Стояли мы в Бекетовском районе — это пригород Сталинграда. Там мы, кстати, одну «катюшу» потеряли. Это так получилось. Скажем, стояли мы отдельно: рота ПТО, зенитчики, хозяйственная и штабная техника. А мы отъехали в сторону, где какая-то балка на-